

Cahiers du
MONDE RUSSE

Cahiers du monde russe

Russie - Empire russe - Union soviétique et États
indépendants

46/1-2 | 2005
La Russie vers 1550

АГРАРНАЯ МИКРОИСТОРИЯ На ПРИМЕРЕ ВОЛОКА- ЛАМСКОГО И РАДОНЕЖА

Sergej Z. CHERNOV

Édition électronique

URL : <http://journals.openedition.org/monderusse/8789>

DOI : 10.4000/monderusse.8789

ISSN : 1777-5388

Éditeur

Éditions de l'EHESS

Édition imprimée

Date de publication : 1 janvier 2005

Pagination : 147-156

ISBN : 2-7132-2055-6

ISSN : 1252-6576

Référence électronique

Sergej Z. CHERNOV, « Аграрная микроистория на примере ВолокаЛамского и Радонежа », *Cahiers du monde russe* [En ligne], 46/1-2 | 2005, mis en ligne le 01 janvier 2007, Consulté le 30 avril 2019. URL : <http://journals.openedition.org/monderusse/8789> ; DOI : 10.4000/monderusse.8789

Cet article est disponible en ligne à l'adresse :

http://www.cairn.info/article.php?ID_REVUE=CMR&ID_NUMPUBLIE=CMR_461&ID_ARTICLE=CMR_461_0147

Аграрная микро-история на примере Волока-Ламского и Радонежа

par Sergej Z. CHERNOV

| Editions de l'EHESS | *Cahiers du monde russe*

2005/1-2 - Vol 46

ISSN 1252-6576 | ISBN 2713220556 | pages 147 à 156

Pour citer cet article :

– Z. CHERNOV S., *Cahiers du monde russe* 2005/1-2, Vol 46, p. 147-156.

Distribution électronique Cairn pour les Editions de l'EHESS.

© Editions de l'EHESS. Tous droits réservés pour tous pays.

La reproduction ou représentation de cet article, notamment par photocopie, n'est autorisée que dans les limites des conditions générales d'utilisation du site ou, le cas échéant, des conditions générales de la licence souscrite par votre établissement. Toute autre reproduction ou représentation, en tout ou partie, sous quelque forme et de quelque manière que ce soit, est interdite sauf accord préalable et écrit de l'éditeur, en dehors des cas prévus par la législation en vigueur en France. Il est précisé que son stockage dans une base de données est également interdit.

СЕРГЕЙ З. ЧЕРНОВ

АГРАРНАЯ МИКРО-ИСТОРИЯ НА ПРИМЕРЕ
ВОЛОКА-ЛАМСКОГО И РАДОНЕЖА
(XIV-XVI ВВ.)
И ОСОБЕННОСТИ
РАННЕМОСКОВСКОГО ОБЩЕСТВА

Я хотел бы обсудить формат серии изданий *Акты Московской Руси: Микрорегиональные исследования* на примере первого и подготовленного к печати второго тома¹ а также изложить некоторые итоги работ данного направления².

ЦЕЛЬ ПРОЕКТА – создать мост между сформировавшимся в 1980-1990-е годы направлением комплексного исследования исторических территорий и традиционным изучением русского средневекового общества и государства по материалам регионов. Проект нацелен на: 1) выявление новых возможностей корпуса поземельных актов XIV-XVI вв. Московской Руси, 2) изучение раннемосковского общества в XIV-XV вв. с помощью реконструкции территориальных структур землевладения и связей «княжеская власть» – «служба» – «землевладение».

МЕТОДИКА – Развитие научного направления, связанного с комплексным источниковедением русского средневековья, настоятельно требует повышения роли поземельных актов в изучении истории и культуры XIV-XVI вв., поскольку именно этот источник позволяет исследовать

1. В. Л. Янин, В. Д. Назаров, ред., том 1: *Волок Ламский в XIV – первой половине XVI вв.: Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации*, М., 1998 ; том 2: *Радонеж в XIV-XV вв.: Структуры землевладения и формирование двора удельного княжества* [готовится к печати].

2. В работе использованы данные полученные в проекте РГНФ, № 00-01-00154а.

механизмы формирования социальных систем и культурных феноменов. Микрорегиональные исследования призваны раскрыть возможности актов как инструмента комплексных исследований. Замысел работы основывается на том, что более половины (65%) всего корпуса актов относится к землям 40 волостей и станов, которые составляют всего 6% территории Северо-Восточной Руси. В отличие от традиционных региональных исследований по истории землевладения XIV-XVI вв. Северо-Восточной Руси³, микрорегиональные исследования предполагают изучение структур землевладения отдельных волостей и станов. Опыт подобного исследования продемонстрировал наличие четких пространственных закономерностей в расположении «черных» («волостных») земель и вотчин в составе административной единицы («волости» или «стана») а также зафиксировал древнюю традицию долевого (по секторам) деления околгородных земель на станы. После выявления указанных закономерностей появляется возможность рассматривать местоположение того или иного владения в системе средневекового землеустройства. Это обстоятельство делает каждую новую локализацию средством получения дополнительной исторической информации, которая потенциально заложена в актовых источниках. Благодаря тому, что площади владений устанавливаются с большой степенью точности, удастся проследить процентное соотношение крупных, средних и мелких владений внутри волости (стана) для каждого исторического периода (с точностью до четверти столетия).

Подобная методика позволяет изучить базовые характеристики феодального землевладения. Оказалось, что очень важно определить период, в который складывается основной костяк вотчин края. Сформировавшись в условиях конкретной княжеской юрисдикции, состав родов землевладельцев оказывается настолько стабильным, что даже при изменении юрисдикции представители этих родов продолжают служить наследникам тех, кому служили их отцы и деды. С момента сложения основного массива вотчин данного района начинается процесс их дробления, в результате которого примерно через 150 лет рента с земельного владения уже не дает возможности феодалам нести военную службу.

Микрорегиональные исследования позволили представить информацию, содержащуюся в актах, таким образом, что она стала сопоставимой с данными, получаемыми в ходе археологических, историко-ландшафтных, топонимических и палеоландшафтных работ. Это, в свою очередь раскрывает широкие возможности для исследования ресурсных возможностей территорий, демографических процессов, структуры расселения, типов хозяйственного освоения земель и процессов культурной адаптации на примере конкретной «вотчины», «волости», корпорации «слуг», описанных в актах. Микрорегиональные исследования могут придать

3. А. И. Копанев, *История землевладения Белозерского края XV-XVI вв.*, М.-Л., 1951; Ю. Г. Алексеев, *Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV-XVI вв.: Переяславский уезд*, М.-Л., 1966.

этим работам новый импульс, сконцентрировав их на территориях, обеспеченных исторической документацией XIV-XVI вв.

Сеньориальное общество (1350 – 1480)

Волок Ламский

Опираясь на собрание актов Иосифо-Волоколамского монастыря, в первом томе серии была реконструирована структура землевладения и генеалогия восьми поколений служилых людей Волока Ламского – древнего совладения Новгорода и великих Владимирских князей, которое в 1350-1550 гг. стало одним из центров формирования московского социума. Исследование показало, что в середине XIV века бояре, служившие великим князьям московским, получили здесь на правах вотчины обширные земли (по трети, а то и половине стана). Среди них почти нет представителей боярских родов времен Ивана Калиты. Земли на Волоке получили Фоминские князья, изгнанные в 1350-е гг. из своих владений (к югу от Ржевы) литовцами. Именно они, став во главе «волоцкой рати», остановили литовский натиск на Москву в 1368-1372 гг. (один из Фоминских – Василий Березуйский в 1370 г. погиб при осаде Волока). Позднее к ним присоединяются выходцы из Новгорода Кутузовы, вассалы Холмских князей тверского дома (Мижуховы, Есиповы) и другие. Все эти роды продолжали служить великим князьям вплоть до XVI в. Волоцкое общество развивалось на пограничье, в условиях постоянной военной угрозы. Видимо поэтому черты московского социума здесь выражены особенно отчетливо. Выросшее на территориях, еще недавно входивших в число «волостей новгородских», с середины XV в. оно было развернуто на присоединение Новгорода. Некогда вобрав в себя выходцев из смоленских уделов, с конца XV в. оно рекрутировало потомков этих выходцев в смоленские и западнорусские земли. В конце XV – первой половине XVI в. «волочане» создали один из крупнейших общежительных монастырей Московского государства, который унаследовал их корпоративную сплоченность и непреклонный дух.

Радонеж

Во втором томе серии реконструированы структуры землевладения, службы и генеалогии военно-служилой корпорации Радонежского княжества (1374-1456) – одного из уделов, образовавшихся в период активного распространения вотчинного землевладения (волости Радонеж, Бели, Тешилово, Черноголовь, земли на Любосивле). В отличие от районов, где в период великого княжения Дмитрия Донского и Василия I (1360-1425) сложились корпорации служилых людей великих московских князей (Волок Ламский, Переяславль, Коломна и др.), в Радонеже сформировался круг бояр и вольных слуг князя Владимира Андреевича Серпуховского и его

потомков (Кучецкие, Копнины, род Воронца Степанова, Скобельцыны и др.). Этот феодальный организм, являясь частью московского социума, демонстрирует особую модель его развития. На протяжении первой половины XV в. политические ориентиры служилых людей Радонежа менялись (связи с двором кн. Юрия Дмитриевича Звенигородского, переход кн. Василия Ярославича Боровского в стан сторонников Василия II, трагедия двора кн. Василия Ярославича в 1462 г.), но они не были идентичны ориентирам великокняжеского двора. Изучение социальных связей и менталитета этого социального круга позволяет лучше понять историю Троице-Сергиева монастыря, которая недавно стала предметом труда Piège Gonneau⁴ (1993) и культурный феномен Епифания Премудрого и Андрея Рублева. В середине XIV в. это пустынь, в 1370-1410 гг. – монастырь крупнейшего удела Московского княжества, в 1410-1433 гг. – обитель, поддерживавшая связи с кн. Юрием Звенигородским, с 1450-х гг. – богомолье московских великих князей.

Таким образом, классическое феодальное сеньориальное общество на территории Великого княжества Московского складывается в 1350-1360-х гг. С 1372 г. подписи представителей родовой знати появляются на духовных грамотах московских князей, а в 1379 г. казнят сына последнего тысяцкого Ивана Васильевича Вельяминова и упраздняют должность московских тысяцких, руководивших ополчением. Эта эпоха, продлившаяся на Западе несколько веков, на русском Северо-Востоке длилась немногим более столетия: от Дмитрия Донского до Василия Темного.

Раннемосковское общество (1250-1350)

Мысленно «сняв» пласт поселений второй половины XIV-XV вв. (датировки по керамике), мы обнаруживаем более ранние структуры расселения и землевладения, которые сложились в результате внутренней колонизации. Под «внутренней колонизацией» понимают этап аграрного развития (вторая половина XIII-XV вв.), в ходе которого изменились традиции хозяйствования, расселения, сложился новый культурный ландшафт. Как показали археологические исследования, на смену приречному типу расселения XII в. пришел водораздельный тип. Вначале поселения группировались вдоль небольших речек у подножья моренных возвышенностей, а затем проникли на водораздел, удаляясь на 200-500 метров от рек и ручьев и поднимаясь на высоту до 40 м над уровнем открытых источников воды. Источником питьевой воды стали ключи. Если в домонгольский период большая часть поселений строилась на плоских приречных террасах, то теперь жилища начали возводить на пологих склонах. Новая система земледелия позволяла использовать дерново-

4. P. Gonneau, *La Maison de la Sainte Trinité. Un grand monastère russe du Moyen-Âge tardif, 1345-1533*, Paris, 1993.

подзолистые почвы возвышенностей, более плодородные, чем приречные опесчаненные почвы, окружавшие поселения XII в. На возвышенностях вместо речных террас население встретило пологие склоны, а вместо плоских водоразделов – волнистую местность, расчлененную оврагами. Этим и следует объяснять появление поселений «на пологих холмах». Экономическая суть внутренней колонизации состояла в новой технологии земледелия, которая вела к быстрому экономическому и демографическому подъему сельских территорий.

На землях бывшей Каролингской империи освоение водоразделов, известное в археологической литературе как «взлет на холмы», охватило период с 1050 по 1250 г. и проявилось в беспрецедентном экономическом подъеме и демографическом взрыве. «Взлет на холмы» совпал с установлением прямых торговых связей с Востоком и вывозом сукна, приносившим огромные прибыли. На Руси же он совпал с эпохой изоляции. Волжский и Днепровский пути, на которых выросло богатство Киевской Руси, утратили значение трансконтинентальной коммуникации. Нашествие монголов разорвало нити, связывавшие Русь с Болгарией, Кавказом, Византией и другими странами, образовавшими восточнохристианскую цивилизацию.

Возвращаясь к реалиям Северо-Восточной Руси, следует отметить, что во второй половине XIII в. – первой половине XIV в. здесь возникла новая рассредоточенная структура расселения. Она состояла из многочисленных 1-3-х дворных деревень, которые группировались вокруг села с храмом и кладбищем. Подобная структура расселения складывалась и на занятых дубравами моренных возвышенностях, где сложилось пашенное земледелие нового типа, и на покрытых елью равнинах, и на песчаных низменностях, занятых сосной («мещерах»), где распространилось бортничество (лесное пчеловодство). Следовательно, рассредоточенная система расселения со свойственным ей постоянным возникновением все новых и новых малодворных селений была обусловлена не столько системой хозяйствования, сколько социальными условиями. Понять их будет легче, если рассмотреть ранние очаги внутренней колонизации, выявленные археологически, по которым имеются известия письменных источников.

Воря

К началу XIV в. здесь, в 50 км к северо-востоку от Москвы вдали от некогда густо заселенной долины р. Вори, на ее притоках, возникла группа селений в районе городища Царево 1, которое интерпретируется как центр волости, впервые упоминаемой в духовной грамоте вел. кн. Ивана Калиты 1336 г. Вместе с Радонежем волость Воря входила в удел вдовы Калиты Ульяны, а после его раздела, в 1370-е годы, перешла к вел. кн. Дмитрию Ивановичу. С 1400 по 1428 г. она принадлежала кн. Петру Дмитровскому, а затем являлась

предметом спора галицких князей и Василия II⁵. В XV в. на правобережье р. Вори еще сохранялись «черные земли», восходившие к владениям этой волости⁶. Часть их дожила до 1538 г. (село Введенское Елены Глинской). Все это дает основание связывать группу поселений у Царевского городища с волостью Воря, которая принадлежала московским князьям в XIV в. Археологические материалы показывают, что эта группа селений начала формироваться в первой трети XIII в., когда здесь возник укрепленный пункт для сбора дани.

Кинела

Кинельская группа поселений (Переяславский уезд) отражает этап внутренней колонизации второй половины XIII - начала XIV в. и надежно связывается с волостным землевладением. Акты Троице-Сергиева монастыря фиксируют волостную организацию в Кинеле в 1460-1480-е годы. Волость наделяла свободных держателей пустующими земельными угодьями («пустошами»), на которых ставился крестьянский двор. «Волостные люди» – «мужи-площевичи» сообща отстаивали свои корпоративные интересы в земельных спорах с Троицким монастырем. Одна из грамот, послухами у которой было четверо «площевичей», дает возможность проследить систему землепользования на значительную историческую глубину. К 1473-1485 гг., к которым относится грамота, Троицкому монастырю уже более 30 лет принадлежало село Шарاپово, земли которого граничили с помещиками. Волостные люди стали «сечь лес». Приехали разъезжники. Старожилы с обеих сторон согласно показали на «враг Орефенской» как между монастырских и волостных земель и дело закрыли. Между волостным землям указали Конан Шилов и Ивашка Офонасова, которые «ркли»: «Еще, господине, отец мой в той деревне жил»⁷. Речь шла о небольшом земельном участке, на котором позднее, в 1557 г., стояла деревня Шилова. Судя по данным 1770-х гг., сохранявшаяся к тому времени Шилова пустошь представляла собой участок в 75 десятин на одной из вершин моренной гряды⁸.

В 1978 г. Орефин и Шилов леса (как их называли старожилы) были обследованы археологически. Деревня отца Конана Шилова оказалось селищем площадью 0,12 га (следы одного двора), которое датировалось по красноглиняной грубой керамике первой половиной XV в. По своей топографии это было типичное поселение на «пологих холмах». В 50 м от него найдены были следы еще одного поселения (0,22 га). Оно располагалось на бровке Шиловского оврага и по топографии напоминало древнерусские селения «на плоских террасах». Шурф попал на усадьбу и дал серию курганных и серых сосудов второй половины XIII - первой четверти XIV в.

5. ДДГ, с. 8, 9, 34, 74, 354, 434.

6. АСЭИ, т. 1, № 595.

7. АСЭИ, т. 1, № 422, см. также: 328, 421, 424.

8. РГАДА, ф. 1356, оп. 1, д. 177, дача № 429.

Таким образом *площевич* Шило поставил в начале XV в. свою деревню на участке, освоенном за сто лет до того и остававшемся в ведении волости на протяжении всего XIV в. Подобная преемственность наблюдается и на других *площевских* землях (Орефиной пустоши, Игрисской земле), на которых обнаружены поселения с керамикой второй половины XIII в. Следовательно можно предполагать, что Кинельская волость, известная по грамотам Ивана Калиты и Василия Дмитриевича, возникла во второй половине XIII в. как система распределения участков-аллодов среди «черных людей».

Радонеж

В последней четверти XIII - начале XIV в. складывается древнейшее ядро Радонежской волости (70 км от Москвы). В духовной грамоте Ивана Калиты (1336) она упоминается как «Радонежское» с одноименным «селом», служившим, по всей видимости, ее центром⁹. После раздела удела княгини Ульяны, в первой половине 1370-х годов, Радонежская волость вошла в удел кн. Владимира Андреевича, а в 1410-1426 гг. стала ядром самостоятельного княжества. Все это способствовало сохранению и распространению здесь «черных» земель и волостной организации, известной по документам 1456 г.¹⁰ «Житие Сергия Радонежского» донесло до нас свидетельство о том, как в 1330-е годы протекало заселение «вести Радонежъ». Великий князь, повествует агиограф, «наместника постави в ней Терентия Ртища, и лготу людем многу дарова, и ослабу обещаюся тако же велику дати. Ея же ради лготы събрашася мнози»¹¹. Из приведенного текста видна роль княжеской власти в развитии волостной общины. В 1330-1370-е годы население осваивает возвышенность, именовавшуюся еще в 1330-е годы «великім лесом». Здесь возникли княжеские (волостные) села Киясовское, Клементьевское, Княже.

Домен московских князей

Прямые свидетельства источников XIV в. о землевладении великокняжеских бортников – служебников имеются по волости Пехорка, которая располагалась в 10 км к востоку от Кремля, в пределах домена московских князей. В меновой грамоте Дмитрия Донского чернецу Савве на монастырек у Медвежья озера (1381-1382) упоминается 5 бортных деревень, часть из которых удалось идентифицировать с археологическими памятниками («деревня бортничья Игнатьева старостина Жижнеева» и другие)¹². Как показали археологические разведки, структура расселения, частью которой являются эти деревни (село Пехра и 19 тянувших к ней

9. ДДГ, с. 8, 9.

10. АСЭИ, т. 1, № 255, 256.

11. Памятники древней письменности и искусства, т. 58, СПб., 1885, с. 34, 35.

12. АСЭИ, т. 2, № 340.

малодворных селений), также как и в Кинеле, сложилась во второй половине XIII в. – первой половине XIV в.

Итак, «волостная организация» или волостная община как форма крестьянского землепользования и княжеская административно-податная единица возникла во второй половине XIII в., с началом внутренней колонизации. Эти два процесса были взаимосвязаны, причем складывавшаяся рассредоточенная система расселения в виде малодворных деревень обуславливалась главным образом тем, что община наделяла свободных аллодом, право владеть которым могло передаваться по наследству. Таким образом, во второй половине XIII в. изменился не только хозяйственный тип, но и социальная структура основного земледельческого населения обширных пространств Северо-Восточной Руси.

Судя по археологическим данным, начальное развитие волостной общины пришлось на эпоху максимального усиления ордынского ига, когда в 1256-1257 гг. татары «изочтоша всю землю Суждалскую и Рязанскую и Моуромскую, и поставиша десятники, сотники, тысящники, темники»¹³. В этот период была введена система, по которой сбор ордынского «выхода», осуществлявшийся численниками и контролировавшийся баскаками, основывался на описаниях, проводившихся примерно через 20 лет (второе «число» 1275 г.)¹⁴. Вероятно, при такой системе новые поселения, не вошедшие в описание, получали определенные льготы в выплате податей, что могло вести к их численному росту и закреплению в качестве единицы расселения. В условиях общего усиления княжеской власти в области поземельных отношений эти обстоятельства могли способствовать закреплению специфической формы землевладения и землепользования – волостной общины.

Судя по археологическим данным, «волостная» и «служебная организации» возникают в Северо-Восточной Руси в XIII в., то есть в период, когда княжеский двор был прочно связан с территорией того или иного княжества. Следовательно, эти структуры вовсе не идентичны «служебной организации», существовавшей в восточноевропейских странах в ранее средневековье, когда князь во время сбора дани перемещался по стране.

Итак, общество 1250-1350 гг. существенно отличалось от классического феодального общества сеньориального типа. Господствующей формой материального обеспечения боярства являлась тогда передача в кормление земледельческих *волостей* или промысловых *путей*. Эти выводы хорошо

13. ПСРЛ, 1922, т. XV, вып. 1, стлб. 32.

14. «Численные люди» и «ордынцы», упоминаемые в духовных грамотах московских князей XIV в., судя по известиям актов Симонова монастыря, были крестьянами-держателями, которые в XV в. уже почти ничем не отличались от черных крестьян соседних волостей. Однако, судя по западнорусским грамотам XV «ордынцы» представляли собой изначально служебников, выполнявших многочисленные княжеские повинности (С. С. Пашин, «Каланые и ордынцы в Червонной Руси XV в.», *Вестник Ленинградского университета*, сер. 2, 1986, вып. 2, с. 90-93).

согласуются с выдвинутым Б. М. Флорей тезисом о значительной роли «служебной организации» в Польше, Чехии (XII-XIII вв.) и на Руси (XIII – первая половина XIV в.)¹⁵. Не противоречат они и наблюдениям С. М. Каштанова о раннефеодальном характере раннемосковского общества¹⁶. Во второй половине XIII и XIV в., когда обширные водораздельные пространства стали доступными для освоения, земли стало больше, чем земледельцев, что создало экономическую конъюнктуру, выгодную для последних. Это не могло не изменить социальный климат, понижая заинтересованность в труде холопов и увеличивая перспективы труда свободных.

Во Франции и Германии освоение водоразделов («взлет на холмы»), произошедшее несколько ранее (1050-1250 гг.), привело к значительному ослаблению сеньориальной зависимости крестьян, сложившейся в IX-X вв.¹⁷. В Чехии и Польше освоение водоразделов пришлось на XIII в.¹⁸, когда общество, основанное на «служебной системе» уже испытывало влияние отношений, типичных для сеньориального феодализма. В России же начало внутренней колонизации пришлось на период 1250-1350, когда феодальное землевладение сеньориального типа еще не сформировалось на большей части территории страны, а общество, основанное на «служебной системе» и достаточно сильной княжеской власти переживало свой расцвет¹⁹. Это привело к тому, что «служебная система» получила мощный стимул для своего развития. Ведь в рамках именно этого общества была выработана система освоения земель, которая почти без изменений просуществовала 300 лет и определила облик культурного ландшафта страны.

Понимание характера общества, существовавшего на русском Северо-Востоке от времени Александра Невского до Симеона Гордого, могло бы значительно продвинуть вперед изучение феноменов культуры той эпохи и политических процессов. Так, археологическое изучение малых монастырей Московского княжества позволило предположить, что «монастырская колонизация», которая является ярчайшей церковной и культурной традицией Московской земли, зародилась под влиянием обычаев православного населения раннемосковских волостей²⁰. Именно это общество и соответствовавшее ему конфедеративное устройство Русских земель (Великое Владимирское княжение, Новгород, отчасти Смоленск и Чернигов) стало фундаментом первого этапа объединительных успехов Москвы при

15. Б. Н. Флоря, «"Служебная организация" и ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян», *Отечественная история*, 1992, № 2, с. 56-74.

16. С. М. Каштанов, «О типе русского государства в 14-16 вв.», *Чтения памяти В. Б. Кобриня «Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма»*, М., 1992, с. 85-92.

17. М. Блок, *Феодальное общество*, М., 2003, с. 271.

18. Археологическое описание этого нового типа освоения см.: Z. Smetanka, «Život středověké vesnice», *Zaniklá Svidna*, Praha, 1988.

19. Подобная модель развития имела место во Фризии, Скандинавии, Ирландии.

20. С. З. Чернов, «Сельские монастыри XIV-XV вв. на Северо-Востоке Московского княжества по археологическим данным», *Российская археология*, 1996, № 2, с. 111-130.

Иване Калите и Симеоне Гордом († 1353). Особенности раннемосковского общества, проявившиеся в том, что аристократия не отделяла себя от системы управления, возглавляемой князем, делают понятным монархические черты политической системы Москвы XIV в.

*Российская Академия Наук
Институт археологии
Москва*

chernov@mars.rag.ru